

Его Императорское Высочество Великий Князь МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧЪ.
† 5 декабря 1900 г.
Съ новѣйшаго портрета К. фонъ-Тана.

Половина короля Бельгійскій ЛЕОПОЛДЪ II въ 1848 году, когда ему было 13 лѣтъ. Рядомъ съ нимъ братья его, принцъ Филиппъ, графъ ФЛАНДРСКІЙ, въ то время 11-лѣтній мальчишка, умершій въ 1905 г. Теперь на престолѣ вступилъ его сынъ, Альбертъ. Направо—8-лѣтняя принцесса ШАРЛОТА, вышедшая въ 1857 г. за австрійскаго принца, впоследствии мексиканскаго императора Максимилиана. Еще до брака своего мужа императрица и Шарлота, вслѣдствіе цѣлаго ряда тѣлесныхъ нравственныхъ потрясеній, сошла съ ума и теперь, не выльчившись отъ своего помъшательства, она живетъ въ окрестностяхъ Брюсселя, до сихъ поръ не зная о смерти мужа.

Къ восьмидесятилѣтію на сценѣ „Горе отъ ума“.

2 декабря минуло 80 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ впервые на Большомъ театрѣ въ Петербургѣ (теперешнее зданіе Консерваторіи) публично представлено «Горе отъ ума». Слѣдуетъ оговориться: это было представленіе далеко не всей комедіи. Какъ и въ печати, Грибоедова «Горе» появлялось передъ русской публикой не сразу, а по кусочкамъ, по тѣмъ отрывкамъ, которые удавалось всякимъ правдами и неправдами извлечь на свѣтъ Божій.

Благодаря хлопотамъ изворотливаго Бугарина, задуманный имъ алмазахъ «Русская Талия» на 1825 годъ, въ которомъ среди другаго матеріала должно было впервые появиться «Горе отъ ума», былъ изъятъ, въ видѣ исключенія, отъ цензуры особой канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ (впоследствии 3-е отдѣленіе Собствен. Его Велич. канцеляріи), которая въ тѣ времена узурпировала право цензуры всѣхъ безъ исключенія не только подлежащихъ постановкѣ на сценѣ, но хотя бы предназначенныхъ только къ печати пьесъ, вплоть до древнихъ классическихъ трагедій Софокла и Еврипида включительно. Въ давнее въ то время общую цензуру министерство народного просвѣщенія спесилось, по просьбѣ Бугарина, съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и получило разрѣшеніе сосредоточить цензуру алмазана,

Цезарь Антоновичъ КЮИ.
Съ послѣдняго портрета композитора, снятаго къ 60-лѣтнему юбилею его музыкальной дѣятельности (14 декабря).
Съ фот. К. Булла.

въ виду смѣшаннаго характера его содержанія, исключительно въ своемъ видѣмствѣ. Усленныя хлопоты Греча и Бугарина въ цензурѣ почечителя округа сдѣлали свое дѣло, и послѣ долгихъ мытарствъ нать комедію Грибоедова «Русская Талия» добилась въ октябрь 1824 года цензурнаго разрѣшенія, и спена первого акта и почти весь третій актъ «Горе отъ ума» впервые увидѣли свѣтъ.

Эти первыя печатныя страницы «Горя отъ ума» останутся навсегда намъ дорогимъ, потому что въ нимъ несомнѣнно 85 лѣтъ назадъ приложилъ руку самъ авторъ, хотя и потъ зоркимъ окомъ цензуры. Какъ известно, этими алмазанными отрывками и ограничилось благоволеніе цензуры: пьесъ не суждено было появиться ни въ печати, ни на сценѣ еще много годы. Попытки автора увидѣть на сценѣ свое «Горе» окончилось неудачей. Въ 1825 г. въ Театральномъ училищѣ (нынѣ домъ Алафузовой) на Екатерининскомъ каналѣ Грибоедовъ надѣлся увидѣть свою комедію, хотя бы безъ доскопенія цензуры, въ школьномъ исполненіи. Кюица была уже средоточена; исполняли роли воспитанники школы: Фамусова—Чайниковъ, Софья—Прилуцкая, Лиза—Лебедева-Шелхова, Чацкаго—Григорьевъ, шлодствіемъ дѣйствительный исполнители роли Чацкаго и Фамусова на Александринской сценѣ, Салозубъ—Зкуининъ (мужъ А. И. Истоминъ), Репетиловъ—П. А. Паратыгинъ и т. д. Авторъ съ А. А. Вестушевскимъ и В. К. Кюхельбегеромъ присутствовалъ на несколькихъ репетиціяхъ, но генералъ-губернаторъ Милорадовичъ, прослышавшій о волюнтарныхъ затѣяхъ вос-

ПОЛУЧИШЕ ПРЕМИЮ НОБЕЛЯ
(270 тыс. франк.) в 1909 г.

Проф. Фердинанд БРАНН, получивший премию по физике с Мирном премия по физике. Родился в 1860 г. в Фульде, занимался естественными науками и математикой в Берлинском университете. Он известен своими открытиями в области воздушного телеграфирования.

Сенатор барон д'ЭСТОУРМЕЛЬ де-КОНСТАНС (d'Estourmel de-Constans), получивший политическую премию.

Родился в Ла-Флеш (Франция), избранный сенатором в департаментскую палату. В 1904 г. он был избран в сенаторы. Он де-Констанс принимал деятельное участие в первой Гаагской конференции.

Проф. Эрнст КОХЕР, получивший премию по медицине. Родился в Берне; с 1872 г. занимает кафедру профессора хирургии в Бельвильском университете. Проф. Кохер первый начал делать операции воба и доказал независимость базедовой болезни.

литаников, запретить играть мальчишкам необорудованную цензурой пьесу, и Грибодову только в 1827 году, во время русско-персидской войны, удалось увидеть на сцене в только что взятой Искевичев Эриани в исполнении офицеров 20-й пехотной дивизии свою комедию. Это был единственный спектакль в присутствии знаменитого автора. Он состоялся во дворце персидского сарара, иль префекта Российской Империи. Счастливый об этом представлении сохранилось очень немного. Известно лишь, что Грибодов и здесь не избегал цензуры, на этот раз военной, и должен был сделать поправки в комедии, неудобных для военного слуха. И в послатой своей пьеске с Туркманчайским трагиком в Петербург в 1828 году (март—июнь) Грибодов не терпел надежды, что новый цензурный устав даст ему возможность напечатать забытое «Горе от ума». Об этом свидетельствует надпись, сдвиганная Грибодовым на список комедии, переданной накануне отъезда Булгарину: «Горе мое поручаю Булгарину. Ваш друг Грибодов. 5 июня 1828 г.».

Трагическая кончина А. С. Грибодова на посту посланника при Тегеранском дворе, сопровождавшаяся осложнениями в нашей политике на Ближнем Востоке, наложила на имя Грибодова новый запрет. Как ни было больно, печатно не понимала вопроса о загадочных причинах насильственной смерти представителя русского государя и первоклассного русского писателя, тем более, что сам государь торжественно заявил извинительной персидской мисии, что он обязался отнять пьесу «Горе от ума» у несчастного Грибодова «вечному забвению». Печать опасалась осуждения высочайшей воли, и в течение всего царствования Николая Павловича повествования о кончине Грибодова заключались стереотипной фразой: «Погиб от неведения тегеранской черни». Но оставшаяся под судом и запретом комедия Грибодова распространялась тем временем в тысячах списках, со смертью же автора списки комедии получали спрос неслыханный. Комедия списывалась и переписывалась без конца, учия называли, употребляли катан и нектати, и вольно и вольно переделяли, и в печати отдельные стихи из неприпущенных цензурой актов и отдельных мьст комедии.

Становилось ясно, что дальнейший запрет поведет только к сильнейшему распространению рукописной комедии, и может быть еще в более опасной редакции, тем установленная автором. Поэтому ходатайство известной в то время артистки М. И. Валерховой, лично знавшей А. С. Грибодова, поставить в свой бенефис хотя бы одну пропущенную в 1824 году цензурой сцену из 1-го акта, не встретило препятствий со стороны III отделения, и 2 декабря 1829 года на театральной афише впервые появилась в самом конце, после главной пьесы, под общим заглавием «Театральное фоле или сцена позади сцены», интермедия дивертисемента, объявление, что «в оной интермедии будет играна сцена из комедии «Горе от ума». Эта сцена и была тот самый отрывок из 1 акта великой комедии, который был напечатан в «Русской Таин» на 1825 г.

Любопытно отметить, что как при пропуске этого отрывка к печати (в 1824 году), так и много лет спустя (в 1833 году), когда настаивали на необходимости напечатать, наконец, всю комедию, не в мру стардая цензура находила начало «Горе от ума», т. е. перья являлись первого действия, беспрестанными. Вот, что писал официально московский профессор Лев Прятков, когда ему, по должности цензора, было предложено (в 1833 г.) дать свой отзыв о «Горе от

Сиднио СОННИНО, новый итальянский министр-президент.

ума»: «Я намеря, что вы в 1 и 2 явлениях ховой и, ежели вышинуте, то представ 1 действия представляется благородная д-своей контор, дабы она утвердила, что вуха, проведенная с холостыми мужчине-сены играна в с.-петербургском театро-целую ночь в свой спалль и вы-аут». В следующем письме (4. II. ходящая изь оной с ним вмьстъ безъ 1830) Шенкинъ благодарит Сонницкаго всякаго сьзда, а въ 11 и 12 явленияхъ за присылку сцены изъ «Горе отъ ума»: «она мнѣ очень помогла и бенефисъ имѣть съ мужучию горничную свою звать того очень большой успѣхъ». Успѣхъ, однако, же мужучию къ себѣ на ночь и сама не-хотѣло его встречать. Находя эти сцены противными благопристойности и нравственности, одобрил рукописи «Горе отъ ума» къ печати на основании § 3 ст. 3 цензурнаго устава не могу».

Пропущенная сцена поэтому напечатана прямо съ позволения Чацкого, со словъ его: «Чуть сѣсть зана на полахъ, и я у пахнѣхъ потъ...» и до конца 1-го акта. Чацкого играль Соснинъ, Фамусова—Борщевъ и Софю—Семенова, а Лизу—воспит. Монго-тца. Какъ была исполнена эта сцена, по-вторенная затѣмъ дважды, свидѣтельствуетъ отзывъ «Сѣверной Пчелы», весьма благоволившей резага и къ Сонницкому и къ Грибодову. «Въ театральной фоле»—пшеть какой-то М—ъ Я—въ.—сыпалши мь 2 сцены изъ пера нашей комедии «Горе отъ ума». Слышали и мысленно повторили: «Горе! Горе! Неужели артистское скривлю отъ насъ умъ небаженного Грибодова?» Этотъ отзывъ, впрочемъ, не выжотъ съ похвѣтой на режисерскомъ экзаменѣ театральной афиши, которая мы пѣли в рукахъ. Тамъ стоитъ на поляхъ афиши 2 декабря 1829 года начальственная помѣтка инспектора российской драматической труппы А. И. Хроповникова: «Соснинъ былъ очень хорошъ». Необходимо замѣтить, что на подобныя похвалы Хроповникой былъ не шедръ и въ отиѣткахъ его перидко достается и первымъ сьжатамъ труппы. Впрочемъ, пристрастие его къ чьткъ В. А. Каратыгина и личная ограниченность (достаточно воплотить о его неужественной оубѣтѣ чьткъ Н. В. Гоголя) несомнѣны, а потому мы приводимъ отзывъ Хроповникова лишь какъ отъзукъ илнурнаго, какъ отзывъ современника, совершенно неизвѣстный въ печати, тѣмъ болѣе, что о спектаклѣ 2 декабря 1829 года известно очень мало.

Въ Москѣ эти самыя сцены изъ 1 акта «Горе отъ ума» были поставлены поздѣе, а именно 31 января 1830 г., въ бенефисъ М. С. Шенкина. Объ этомъ свидѣтельствуетъ письмо знаменитаго артиста къ И. И. Соснинскому (отъ 8 января 1830 г. изъ Москвы): «Къ моему бенефису объявить мнѣ былъ волевлъ, но я вижу, что оный никакъ готовъ быть не можетъ, то чтобы сколько-нибудь замѣнить, я хочу дать дивертисемента, въ которомъ помѣстятъ кой-какия сцены. И потому приказка какъ можно скорѣе выписать изъ «Горе отъ ума» тѣ сцены, которая у насъ были играны на бенефисъ г-жи Валер-

* См. «Изъ неизданныхъ материаловъ Д. А. Смирнова. Два утра у Шенкина». Спб. 1910. Стр. 16—18.

Проф. Валдегард ОСТВАЛДТЪ, получивший премию по химии.

Онъ родился въ 1853 году въ Ригѣ и тамъ же былъ профессоромъ въ Политехникумѣ. Поздѣе онъ читалъ лекции въ Лейпцигскомъ университетѣ и въ Америкѣ. Его перу принадлежатъ много научныхъ сочиненій по химии и физикѣ.

* «Сѣверная Пчела». 1829 г. № 149.

КЪ ОТКРЫТИЮ НИКОЛАЕВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ВЪ САРАТОВѢ.

Советъ профессоровъ Саратовскаго университета. Слѣва: проф. ЗЕРНОВЪ, СТАДНИЦКІЙ, ЧУЕВСКІЙ, ректоръ РАЗУМОВСКІЙ, ВОРМСЪ, ГОРДАГИНЪ и БИРУНОВЪ.

ставила всѣ эти акты вмѣстѣ отъ себя дией дирекція и не думать выяснитъ: 12 разъ, пока наконецъ артисту Я. Г. да по какому же тексту мы играемъ „Горбунскому не удалось исполнить разрезъ отъ ума“, что въ немъ гробоводскія урны на постановку въ свой бенефисъ всѣхъ 4-хъ актовъ комедіи, пропущены исполнителю повторять со сцены явные ошибки, которыми изобилуютъ печатныя изданія комедіи, и тѣмъ искажать слово и мысли автора. А восстановление твердаго текста „Горе отъ ума“ было бы тѣмъ болѣе необходимо, что московскій театръ комедіи, показавшій намъ, какъ нужно и какъ можно «обставить» Грѣбоводу, въ отношеніи текста комедіи составлялъ такой винегретъ, такую смѣсь окончаннаго авторскаго текста съ отвергнутой имъ черновой редакціей и съ вариантами, что Грѣбоводу, если бы возсталъ теперь въ гробъ, пришелъ бы въ несомнѣнное пріятное изумленіе отъ распри съ своимъ твореніемъ...

Пробѣгая мысленно судьбу „Горе отъ ума“ на сценѣ с.-петербургскихъ Императорскихъ театровъ за 80-лѣтній промежутокъ времени, мы сознаемъ, что не исчерпали въ этой замѣткѣ и сотой доли тѣхъ любовныхъ перипетій, которыя пережила многострадальная русская пьеса на казенной сценѣ. Добрымъ словомъ можно помянуть артистовъ и артистокъ, исполнившихъ роли комедіи. Одѣтые въ казенные костюмы а прежде даже въ собственное „партикулярное“ платье, среди подчасъ ишеченской обстановки, съ строго процензурованными вдохновенными словами гробоводскаго „Гора“, прилекая въ театральныя залы съ самыхъ первыхъ постановокъ комедіи и до самыхъ послѣднихъ дней тѣхъ десяти тысячъ зрителей, въ умахъ которыхъ запечатывалась высокой горькій смѣхъ Грѣбоводу, не потерявшей ни капли злободневности:

«Судьба-проказница—шалунья, Опредѣлила такъ сама: Въсѣмъ глупымъ—счастье отъ безумья, Всѣмъ умнымъ—горе отъ ума».

Съ 1829 года, когда рука 3-го отдѣленія впервые прошлась въ качествѣ цензора по „Горе отъ ума“, и до нашихъ днѣй, какъ сказать, даръ гения Грѣбоводова русскому народу.

Казаюсь, дирекція было на что позавидовать за этотъ долгій промежутокъ времени хотя о вполнѣ приличной постановкѣ этого невоискасскаго классика театральныя доходы, если ужъ иная точка зрѣнія на комедію—какъ редона-чальнику русскаго художественнаго театра—театральной дирекціи была недостаточна. Однако за всѣ 80 лѣтъ постановки да и исполненіе „Горе отъ ума“ оставался желать очень много. Всѣ мы знаемъ, что обстановка, дѣйствительно основанной великаго произведенія русской литературы и сцены, доказала русская публика не отъ дирекціи Императорскихъ театровъ... Наоборотъ, съ самаго перваго представленія и до послѣдняго времени публика видѣла непристойную экзотику для классической русской пьесы и въ декорацияхъ, и въ костюмахъ, и въ обстановкѣ, плохо или вовсе не продуманныхъ.

Съ 1829 года, когда рука 3-го отдѣленія впервые прошлась въ качествѣ цензора по „Горе отъ ума“, и до нашихъ днѣй, какъ сказать, даръ гения Грѣбоводова русскому народу.

Вотъ, напримеръ, курьезное распоряженіе (въ старыхъ) конторы Императорскихъ театровъ въ гардеробѣ по поводу представленія „Гора отъ ума“ 15 января 1831 г.: «Его сиятельству г. директору (иъ С. С. Гагарину) приказалъ сдѣлать гардеробу замѣчаніе за то: 1) что вчерашняго числа въ комедіи „Горе отъ ума“ всѣ почти 3-и актрисы и танцовщицы были одѣты въ красныя платья, съ

Разводъ императрицы

И. Ровно сто лѣтъ назадъ въ Парижѣ разыгрывалась тяжелая драма. Человѣкъ, могущество котораго, казалось, не знало границъ, долженъ былъ принести въ жертву государственнымъ соображеніямъ свое семейное счастье. Наполеонъ рѣшился развестись съ Жозефиной, потому что его бракъ съ ней былъ бездѣтнымъ. Она женился на ней по пылкой любви, какъ описывается въ романахъ. Юнона генерала Богарне играла видную роль въ бастиліи, по смѣшанному обществу Директоріи. Она была женственна и изыщана, съ хорошенькими бѣлыми лицами, большими характерными глазами Крессики и очень данными рѣсничками. Ея извѣсныя черты начали уже угадываться, когда она впервые познакомилась съ „маленькимъ Бонапартомъ“; ей было тогда тридцать два года. Но онъ полюбовалъ ее съ перваго взгляда и послѣ

* Le divorce d'une impératrice. Lecture pour tous. 1 Déc.

Ирина ЭНЕРИ, 12-лѣтняя пианистка и композиторъ. Къ ея концертамъ въ Петербургѣ.

духу-трехъ визитовъ попросилъ ее руки. Жозефина очень удивилась. Она была расточительна, жила въ роскоши и въ неопытныхъ дѣлахъ, а молодой генералъ—онъ былъ на шесть лѣтъ моложе ея,—не имѣвшій никакого состоянія, казался ей мало подходящей партией.

«Какой сѣбиной этотъ Бонапартъ,—писала она друзьямъ,—онъ хочетъ на мнѣ жениться!».

Но потомъ она уступила его любви. Ихъ брачный договоръ былъ заключенъ 18 вентоза года IV (8 марта 1796 года); коллегіаръ любовно прибавилъ въ немъ двадцатипятилѣтнему жену два года, а невѣстѣ скнулъ три, чтобы немного уравнивъ ихъ возрастъ. Въ этомъ договорѣ упоминается также, что будущій супругъ не имѣетъ никакого недвижимаго имущества, а изъ движимаго только платье и военное снаряженіе.

Черезъ два дня послѣ свадьбы Бонапартъ принялъ командованіе италійской арміи.

Въ невольной разлуцѣ съ женой его страсти въ ней все разгоралось. По дороге изъ Парижа въ Нишу онъ каждый день писалъ ей пламенные письма. Затѣмъ началось волшебная кампанія 1796 года: шесть побѣдъ въ теченіи пятнадцати дней. Но несмотря на заботы командованія, озабоченности, усталости и ослѣпленія славою, Бонапартъ не забывалъ жену, которую оставилъ на своей квартирѣ на улицѣ Шантеренъ, и, посылая въ Парижъ одного изъ своихъ адъютантовъ съ извѣстіями о побѣдахъ, онъ далъ ему еще второе порученіе: то что бы то ни стало привести къ нему Жозефину. Но Жозефина медлила отъѣздомъ. Она прутула, въ одинъ день, слава царей Парижа, видѣла кругомъ только лѣсть и поклоненіе и топила насладиться славою мужа, отраженіе которой падало на нее.

Первые годы брака супруги почти все время жили вдвоемъ другъ отъ друга. И когда Наполеонъ возвратился изъ египетскаго похода, его любовь примышляла выдержать большой искусъ. Онъ узналъ, что Жозефина была ему невѣрна. Въ первую минуту гнѣва онъ рѣшилъ навсегда развестись съ ней и, боже, что смягчался, увидя ее, заперъ въ своей комнатѣ.

По расказу Массона, Жозефина цѣлый день простояла на колышкахъ у его дверей; но видя, что онъ не отвѣчаетъ на ея рыданія, хотѣла подчиниться ему и уѣхать. Тогда ея камеристка Агата Рабль пришла къ дверямъ дѣтей Жозефины отъ перваго брака, Евгения и Гортензій Богарне, чтобы они просили у отцма прощенія за мать. Наполеонъ смягчался, открылъ дверь, и примиреніе состоялось.

Онъ не только простилъ Жозефину отъ чистаго сердца, ни словомъ упрека не вспоминалъ о прошломъ и уплатилъ всѣ ея долги, доходившіе до трехъ милліоновъ франковъ, но еще больше привалялся къ ней, и ее приваляло къ себѣ. Она стала его вѣрною другомъ и вмѣстѣ съ нимъ короновалась императрицей.

II. Но годы шли, и въ сердце Наполеона стала закрадываться тревога: Жозефина не дала ему наследника. Одно время онъ надѣялся укрѣпить свою династію, да вѣщае престолъ сыну своего брата Людовика — дачери Жозефины, Гортензій Богарне, — маленькому Наполеону-Карлу. Но ребенокъ скончался отъ крупки въ концѣ 1806 года.

И Наполеонъ все чаще сталъ останавливаться на мысли, не то подкажанной ему со стороны, не то созрѣвшей въ его честолюбивомъ умѣ, что ему слѣдуетъ развестись съ Жозефиной и вступить въ бракъ съ одной изъ европейскихъ принцессъ.

Но какъ добиться на это согласія Жозефины? Самымъ проищательнымъ и хитрымъ изъ

К 80-летию постановки «ГОРЕ ОТЪ УМА» НА СЦЕНЕ БОЛЬШОГО ТЕАТРА ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Александръ Сергѣевичъ ГРИБЕДОВЪ.
Съ портрета, гравированнаго Ник. Уткинымъ 20 окт. 1829 года.

съ официального текста. Но слезы не дали ей говорить, и она должна была передать листокъ Реню д'Анжели, который продолжалъ за нее чтение. Объявивъ, что она потеряла надежду иметь дѣтей, которыхъ Я уму отъ стыда, если мой мужъ будетъ обезпечилъ бы интересы Имперіи, она тоже кончила словами любви:

— Я счастлива дать императору величайшее доказательство привязанности и преданности, какое когда-либо давалось на свѣтѣ.

Послѣ этого Наполеонъ и Жозефина подписали актъ разлученія.

Все было кончено. Въ распоряженіе Жозефины были отведены Елисейскій дворецъ въ Парижѣ, замокъ Мальмезонъ для дѣтняго пребыванія и Наваррскій замокъ для охоты. Она жила въ нихъ, окруженная прежнею свитой. Ея сношенія съ Наполеономъ не прерывались. Даже послѣ своей женитбы на Маріи-Луизѣ она навѣщала Жозефину въ Мальмезонѣ, часто писала ей и, зная ея несправную расточительность, платила ей долги.

Жозефина скончалась въ 1814 году, когда Наполеонъ былъ заключенъ на островъ Эльбъ. Получивъ извѣстіе о ея смерти, — говорить свидѣтель, близкій ему, — императоръ былъ глубоко потрясенъ и на весь день заперся у себя.

Короткое возвращеніе къ власти и послѣдняя трагическая борьба за нее на время заглушили его скорбь.

Но въ изгнаніи, на островѣ св. Елены, онъ отдался воспоминаніямъ о Жозефинѣ. Брошенный своей второй великой и легкомысленной женой, онъ по собственной инициативѣ понялъ, что должна была она пережить. Онъ часто говорилъ приставающему къ нему доктору о своей любви къ ней и въ душѣ, можетъ быть, горько раскаивался въ томъ, что не сумѣлъ ее пощадить.

Изъ-за глагола.

Разсказъ.

«Глаголь есть часть рѣчи, обозначающая дѣйствіе или состояніе предмета». (См. учебникъ русской грамматики).

Письмо вышло изъ рукъ Лѣи. Ея хорошенькое, совсѣмъ еще дѣтское лицо вспыхнуло яркимъ румянцемъ.

потому что я не хочу красить за человѣка, имя котораго я буду носить!

И лучшая ученица N-ской гимназіи, двѣ недѣли тому назадъ окончившая курсъ съ золотой медалью, надменно откинула голову. Анна Павловна пошла къ себѣ писать рѣшительный, безнадѣжный отказъ первому женху своей дочери. Лѣя слышала на терасѣ. Дѣтній праздничный день дышалъ довольствомъ и покоемъ. Тихо жуужали пчелы надъ пестрой клубой душистыхъ цвѣтвовъ. Изъ глубины сада слышались скрипы качелей и смѣхъ дѣвчушекъ. Другъ бойкая новгородская частушка звонко прорзала воздухъ:

У мово-то форсуна
Одна рубашка шерстяная!
Другая ситцева съ каймой
Ничуть не хуже шерстяной...
Да стали люди жалиться,
Что кони пужаются,
Васишливо подхватилъ другою голосъ. И снова смѣхъ и скрипы качелей.

Вторымъ женихомъ Лѣи былъ молодой гусарскій офицеръ, Андреевъ, — выскочка, стройный, съ маленькими черными усиками. У него были всѣ шашки поправившіе шестнадцатилѣтней дѣвочки. Самъ онъ безумно влюбился въ длинныя блондуры косы и большіе, темные глаза Лѣи.

Въ пылу увлеченія, Андреевъ прѣсколько разъ чуть было не признался Лѣя въ любви, но всегда во-время удерживался. Дѣло въ томъ, что онъ бывалъ въ домѣ Анны Павловны запросто, въ синихъ рейтузахъ, а традиціи А-скаго гусарскаго полка требовали, чтобы офицеры дѣлали предложеніе барышнямъ не иначе, какъ въ парадной формѣ, т.-е. въ красныхъ.

Конечно, когда офицеръ не увѣренъ въ успехѣ, гораздо страшнѣе заранѣе, такъ сказать, во время туалета убраться на зотъ шашъ, но что-жъ дѣлать! Надо было кореннымъ, особенно въ такомъ важномъ случаѣ жизни, какъ женитба. И такъ и сказала Николаю Ивановичу, по оному просилъ у меня позволенія написать тебѣ, чтобы ты сама ему отвѣтила.

— Въ такомъ случаѣ, скажите ему, что дѣлать Лѣи никогда въ жизни не буду его женой, формальное предложеніе.

День былъ жаркій, солнечный. Плохо вмигъ закрытый, букетъ замѣтно поблекъ. Цвѣты опустели головки.

— Бѣдные цвѣты! — сказала Лѣя, ласково проводя рукой по ослабѣвшимъ розамъ.

Гусаръ бросился передъ ней на колѣни. «Теперь или никогда!» — какъ молнія, пронаеся въ его сознаніи.

— Бѣдные не цвѣты, — началъ онъ странно обрывающимся голосомъ, — а бѣдный тотъ, кто ихъ трудился и... рвалъ...

Лѣя вспыхнула отъ негодованія.

— Что вы говорите! — закричала она. — Я не хочу слушать васъ, не хочу!

И, заткнувъ уши, она убѣжала изъ комнаты...

МАРНОНИ,
получившій позволеніе промѣнъ Нобеля по физикѣ.

На другой день Лѣя выпала къ чаю блѣдная, поблекшая, какъ вчерашніи розы.

— Что съ тобою, Лѣяшюкъ? Не болѣла ли ты? Говорила я тебѣ, что еще покаяешься объ Андреевѣ...

— И такъ, мамочка, всю ночь о немъ думала. Можно ли такъ перевертывать?..

— Что такое перевертывать?!

— Предложеніе. Представьте себѣ, мама, онъ сказалъ: «бѣдные не цвѣты, а бѣдный тотъ, кто ихъ трудился и рвалъ». Трудиться — глаголъ, не дѣйствительное залога. Ну, развѣ можно сказать: я васъ трудилъ! Даже смѣло противно.

— Какъ можешь ты, Лѣяшюкъ, думать о глаголахъ, когда человѣкъ тебя искренно любитъ и страдаетъ! Онъ, бѣдный, хотѣлъ сказать, чтобы ты покаялась его и вышла бы за него замужъ.

— Если Лѣяшюкъ не знаетъ простой грамматики, онъ не долженъ и поминать о бракѣ, — строго сказала Лѣя. — Хорошъ мужъ! Неужели онъхъ нельзя было поставить на коня? «Бѣдные не цвѣты, а бѣдный тотъ, кто трудился и рвалъ ихъ».

Лѣя успокоилась. Она стала пить чай съ молокомъ, какъ маленькая, макая булку въ чащу.

«Погоди, Лѣяшюкъ! — думала Анна Павловна: — придетъ время, забудешь ты свои глаголы!»

Лѣя умѣла спрятать не только русскіе и французскіе глаголы, но даже всѣ именные, прилагательные и неправоныя, сильныя и слабыя.

— Ужъ дѣйствительно Лѣяшюку надо выдать замужъ за Грениона! — говорила Анна Павловна ее сестра, Валентина Павловна. — Лучше женить не вайти. Солданичъ человѣкъ, богатъ, красивъ! Домъ у него въ Петербургѣ, какъ дворецъ. Ужъ дѣй

Яковлю VI, дѣйстви IV комедіи «Горе отъ ума». П. А. КАРАТЫГИНЪ-ЗАГОРЬЦЫЙ и И. И. СОСНИЦЫНЪ-РЕПЕТИЛОВЪ.

Съ рисунка П. Борла.

Композитор и музыкальный критик Мих. Мих. ИВАНОВЪ.
Къ постановкѣ его оперы «Горе отъ ума» 19 апреля, на сценѣ
Марининскаго театра.

Рис. Л. Вельфертса.

**Изъ исторіи мытарствъ
великой русской комедіи.**

По поводу восьмидесятилѣтія «Гора отъ ума» на московской сценѣ.

(1830 ²¹), 1910).

На 31 января 1830 года афиша московскаго Большаго театра объявляла въ бенефисъ уже известнаго въ то время артиста и любимаго публики М. С. Щепкина, некуда прочимъ, представляемъ въ первый разъ 1-го акта «Гора отъ ума». Это объявлено восторженно, можно сказать, всей образованной Москвой, такъ какъ комедія Грибоедова являющаяся на сцену, какъ и до по-зданіа перенѣтъ въ оченназначенную Россію, явленія ея въ печати (въ 1833 году) и особенно Москву, только удвоила инте-

рессъ и къ жизни популярнаго москвича, голову свою сложившаго за интересы родины въ далекомъ Тегеранѣ, и къ гениальному его произведенію, сюжетъ котораго, какъ хорошо знали современники, былъ въ значительной степени выстраданъ самимъ авторомъ именно въ Москвѣ...

80 лѣтъ тому назадъ, конечно, «Грибоевская Москва» съ ея вкусами, «отгибной манерой», всѣ московскія, «особый отпечатокъ» которыхъ «съ головы до пятки» съ такимъ талантомъ зарисовалъ авторъ «Гора отъ ума», была все еще налицо. Въ своемъ домѣ подъ Новинскимъ *, который долгіе годы видѣлъ въ своихъ стѣнахъ «милаго ребенка» и «повсю» Сапу, и былъ вѣрнымъ свидѣтелемъ творческой работы Грибоедова въ 1823 г. надъ «Горе отъ ума», — ириво дождала свой вѣкъ перерешившая поста мать его, суровая и избѣтная по Москвѣ своею рѣзкостью Настасья Федоровна Грибоедова, которая, по авторитетному свидѣтельству ея родной дочери, сестры писателя (И. С. Дурново), «никогда не понимала глупаго, сосредоточеннаго характера Александра, а всегда желала для него только боссы и вѣтхости», и, по признанію сына, «съ нескрываемымъ прѣрѣиеніемъ относилась къ его поэтической дѣятельности. Это — ближе всего стоявшій къ посту портретъ Хвостовой комедии. Въ Москвѣ же еще жила и нравственно: а въ кумиръ и братецъ Алексѣй Федоровичъ Грибоедовъ, такъ любимый съ дѣтскими лѣтъ онекати и поучать племянника — московскій инатный баринъ, завававшій балы и вечера и не брезгавшій изпользованіемъ и лаской угодать сильнымъ міра сего. Это — несомнѣнный «натурчикъ» для Фамусова комедии. Далеко еще не отпрыгали свой вѣкъ и прототипы Забурца, Репетилова, Тутухоускихъ, Гориченныхъ; даже разныхъ побитыхъ вѣтеркомъ Гилломе, Французиковъ изъ Бордо, и кучу мелкихъ лицъ, на которыхъ намекаетъ, напр. въ I актѣ, Чапкинъ, легко узнавала въ то время Москва, такъ какъ вѣтубчала въ еженедельно на улицахъ и модахъ бульварныхъ.

Для всей этой Москвы «Гора отъ ума» все еще было намѣдетомъ на древяную століу, выходящую, не собою, благопріистойной и нравственнаго. Даже черезъ три съ половиною года послѣ первой постановки акта изъ «Гора отъ ума», когда сценническаго устарѣвъ комедии былъ въ сомнѣніи, старый профессоръ московскаго университета, котораго слушали въ свое время Грибоедовъ, Левъ Цыганевъ высказался, въ качествѣ цензора, противъ комедии и ея впечатанія и вышелъ съ «притивной благопріистойной и нравственнаго». Нужды нѣтъ, что почти вся читающая Россія давно рѣшила безъ права на апелляцію всѣ журнальные споры объ этомъ «наскивилъ на Москву», какъ поспѣшилъ назвать комедію, при первомъ ея повлзненіи, директоръ московскихъ театровъ Ѳ. Ѳ. Кошкинъ, что въ образованная Россія съ нетерпѣиіемъ ждала услышать рѣчи Чапскаго и Фамусова въ живомъ воплощеніи сценническаго дѣйствія...

Сцена, для которой въ конченной редакціи было написано «Гора отъ ума», не скоро далась комедіи: «Гору» грибоевскому суждено было пробиваться въ театральную публику безъ непосредственнаго наблюденія автора **.

* Домъ этотъ на углу Новинскаго бульвара и Деятинскаго пер. въ Москвѣ сохранился и до нынѣ почти въ томъ же видѣ, какъ былъ перестроенъ при Грибоедовскихъ въ 1814 году. Онъ типично ждеть отъ города мраморной доски, обшитой еще 15 лѣтъ назадъ, съ надписью: «Здѣсь этотъ домъ долгіе годы жилъ творецъ «Гора отъ ума» Александръ Сергѣевичъ Грибоедовъ (1795 ²⁰ ²¹ 1829)».

** Мы не касаемся здѣсь ни рецензій «Гора отъ ума» въ Петербургскомъ театральномъ училищѣ въ 1825 г. для запрещеннаго школьнаго представлениа, ни сплетенъ любителей въ Орляни въ 1828 г. Эти первыя попытки сценническаго воплощенія «Гора отъ ума» состоялись въ присутствіи самого Грибоедова.

Олга Ари. ШЕБЕЛОВА въ 1890 году.

Д-ръ мед. Олга Ари. ШЕБЕЛОВА. Къ 30-лѣтію ея обрешенной дѣятельности. Съ фот. Гуссона и Делора.

сказовъ толщю грубаго непонимаяго скровеннаго смысла комедіи, сквозь театральную рутину, денатурное невѣжество... Оно посылалось передъ публикой отдаленными актами съ крупными купюрами, потому что и цѣликомъ, въ четыре акта, но съ сокращеніями, поправками и поугармными измѣненіями. За смертью автора, сценническій текстъ комедии изалось установить петербургское театральное начальство (Р. М. Зотовъ и комп.) подъ указку «прощеннаго» Ш отдаленія, а цензурѣ котораго уже тогда слагались астенарные расказы. И этой-то вѣстами варадеи сокращеній и некажущихъ сценническій текстъ по Высочайшей волѣ былъ поделенъ въ основу вѣтъхъ печатныхъ изданій комедіи Николаевскаго времени * и долго закътъ,

* Собственною резолюціою императора отъ 16 апрѣля 1833 года: «Печатать слово отъ слова какъ играется можно; для чего взать манускриптъ изъ званнаго театра».

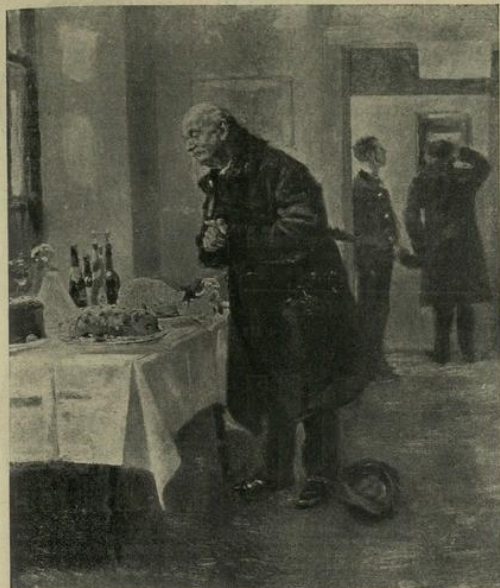
Михаилъ Семон. ЩЕПИНЪ.

«ГОРЕ ОТЪ УМА» НА МОСКОВСКОМЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ МАЛОМЪ ТЕАТРѢ.

И. В. Самаринъ—Чапкинъ, М. С. Щепкинъ—Фамусовъ, Г. С. Ольгинъ (Ахалинъ)—Сидлоубъ. Дѣйствіе II, явленіе V.

XXXVIII ПЕРЕДВИЖНАЯ ВЫСТАВКА НАРТИНЪ 1910 г.

«ГАСТРОНОМЪ». — Картина В. Е. Маковского.
Съ фот. Клея, Гильбохова.

несколько избѣненный въ шестидесятыхъ Москвѣ и дочь, жившая въ деревнѣ съ годами, когда Ш отдѣленіе разрыло внемужемъ) мало думали о томъ, чтобы воспользоваться своимъ правомъ, а еще меньше, чтобы хлопотать за освобожденіе Юлины, которая хлопотала за освобожденіе Юлины отъ ума»», пока И. Д. Гарусовъ и А. Н. Веселовскій, а за ними П. А. Ефремовъ, своими работами по изученію творчества комедій не стаскивали его съ неподобающаго мѣста, указывая на другой, гораздо болѣе важный источникъ для изученія «Гора отъ ума» — на списки комедій съ собственноручными авторскими поправками (Гарусовъ), на первоначальную рукопись (Веселовскій) и на рукопись ея редакцію (Ефремовъ) и на близкіе къ эпохѣ созданія болѣе или менее надежные списки пьесы (Ефремовъ и др.).

Но и послѣ появленія работъ названныхъ издателей, даже послѣ неоднократнаго открытія автографа одной изъ первоначальныхъ редакцій знаменитой комедіи (1903 г.), списоческій текстъ «Гора отъ ума» во многомъ слабо сдѣлалъ законченнѣе театральными традиціями, которыя благополучно остаются на старѣйшей русской сценѣ до самыхъ послѣднихъ дней*. Замѣательно, что первая мысль, по смерти автора, о постановкѣ на сцену «Гора отъ ума» принадлежала вовсе не Москвѣ, гдѣ жила мать поэта, она изъ насѣдствій литературной собственности Грибодова. Повидимому, представители этой собственности (мать въ

* Напримеръ, вы и сейчасъ на казенной сценѣ не услышите окончанія болтовни Загорыцкаго въ третьемъ актѣ. Вотъ уже девятый десятокъ, какъ Загорыцкій вмѣсто пестрыхъ стиховъ обрывается на трехъ перлахъ:

Нѣтъ-съ, книги книгамъ рознь! А если-бъ, между нами,
Былъ цензоромъ назначенъ я,
На басни бы налегъ. Охъ, басни—смерть моимъ!

А всѣмъ извѣстнымъ сдѣлавшій три характерныхъ стиха: «Насамому вѣнчанъ въ пламени надъ орданомъ!»—и т. д. признался по традиціи, повторенной въ ея maison d'été, подлежащимъ полному изгнатию.

сы* тотъ или другой актъ изъ «Гора отъ ума», который съ урьядками и измѣненіями соглашалось пропустить Ш отдѣленіе, она обращалась къ корыстному собственнику пьесы.

Неизвѣстно, вѣдалъ ли Бугаринъ съ М. И. Валберховой, поставившей сцену перваго акта «Гора отъ ума» впервые въ свой бенефисъ на Большомъ театрѣ 2 декабря 1829 года, какъ и съ П. А. Баратыгина и Григорьева, которымъ отъ милости «разрѣшилъ» постановку въ бенефисъ, кромя третьяго, и четвертаго акта «Гора отъ ума» (16 июня 1830 г.). Но за сличеніе со своимъ рукописью (quasi-автографомъ) сценическаго текста для перваго представленія «Гора отъ ума» полностью (26 января 1831 г.) онъ не постыдилась взять съ бенефицианта Я. Г. Бранскаго 1,000 рублей. Такъ или иначе, но не Москва хлопотала за пропускъ на сцену «Гора отъ ума», и даже затѣя, по мѣрѣ того, какъ комедія поистинѣ пропала для столѣтнихъ сценъ, театры Благочинной вовсе не сбились воспользоваться полученнымъ разрѣшеніемъ. Правда, для представленія 2 декабря 1829 года третье отдѣленіе послѣ немалыхъ колебаній, по согласію съ театральнымъ начальствомъ, пропустило первый актъ вовсе безъ начала: извѣстныхъ первыхъ сценъ—Лизы, одной и съ Фамусовымъ, Софьи съ Молчаливымъ, а затѣмъ съ отцомъ и Лизой,—какъ не было; «неудобны» выраженія были безцеремонно перефразированы. Но все же первый актъ «Гора» въ такомъ кастрированномъ видѣ промелькнулъ въ Петербургѣ цѣлыхъ три раза (2, 5, 11 декабря 1829 г.), прежде чѣмъ вѣсть о появленіи «Гора отъ ума» на сценѣ нѣсколько распространила Москву.

Быть вѣкъ долженъ былъ заинтересоваться возможностью постановки на московской сценѣ «Гора отъ ума», конечно, знаменитый М. С. Щепкинъ. Онъ извѣдалъ подъ бременемъ безтолковаго потражающаго или первоаго репертуара, установившагося тогда на русской сценѣ, и стремился выступить въ первой истинно-оригинальной русской художественной комедіи. Въ тому же онъ былъ лично знакомъ съ А. С. Грибодовымъ, встрѣчался съ нимъ у общихъ

* Поставленная въ бенефисъ въ первый разъ пьеса (или актъ ея) ставилась по тогдашнимъ правиламъ собственности дирекціи Императорскихъ театровъ и ставилась затѣмъ безъ уплаты какому-либо авторскаго гонорара.

ВСЕ ОТНОСИТЕЛЬНО!

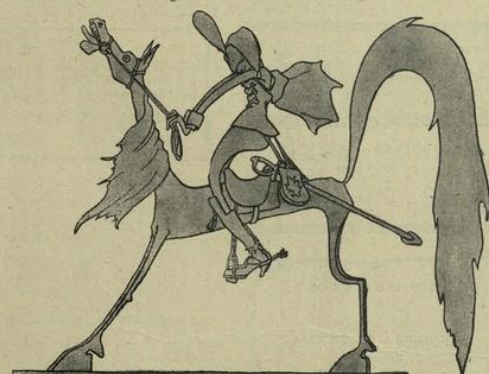
Докторъ:—87 лѣтъ! И до сихъ поръ, такой блестящій дамскій канарейка! Пациентъ:—Всегда! Какъ въ 66 лѣтъ, докторъ.
Journal Amusant.

московскихъ знакомыхъ и даже получить отъ него въ сезонѣ 1823—1824 года въ Москвѣ, а можетъ быть, кромя того, и лѣтомъ 1828 года во время своихъ петербургскихъ гастролей,—указаніе, какъ сдѣлать исполнять роль Фамусова, живой прототипъ котораго, какъ я упомянулъ, былъ у артиста передъ глазами. Это былъ дядя писателя, пережившій его нѣсколькими годами, извѣстный московскій тузъ Алексѣй Федоровичъ Грибодовъ, по домашнему званію въ Москвѣ и до сихъ поръ носить названіе два переулка (Грибодовскій пер. на Большой Ордикъ и на Плющихѣ, въ Хамовникахъ); дочери его были замужемъ—Елизавета за знаменитымъ графомъ Насквечемъ, а Софья—фрейлина Ихъ Величества—за Римскимъ-Корсаковымъ.

Но даже М. С. Щепкинъ вовсе не думалъ началъ воспользоваться для своего бенефиса, въ концѣ января 1830 г., разрѣшеніемъ для петербургской сцены перваго акта изъ «Гора отъ ума». Дядю помогъ только всемогущій случай. Вотъ, что писалъ московскій артистъ извѣстному своему петербургскому коллегѣ Сосницкому 8 января 1830 года: «Бъ моему бенефису обидѣть мнѣ было вѣдывалъ, но я вижу, что оный никакъ готовъ быть не можетъ; то, чтобы сколько-нибудь замѣнить, я хочу дать дивертисманъ, въ которомъ повѣстѣ кой-какія сцены. И потому приказалъ, какъ можно скорее, написать изъ «Гора отъ ума» тѣ сцены, которыя у васъ были играны на бенефисъ г-жи Валберховой, и ежели вышнущутъ, то представъ своей конторѣ, дабы она утвердила, что сцены играны на с-петербургскомъ театрѣ». Сосницкій своевременно исполнилъ желаніе товарища и выслалъ ему записку, въ которой с-петербургской конторой проценованный текстъ сценъ перваго акта комедіи Щепкинъ ставилъ въ свой бенефисъ (31 января 1830 года на сценѣ Большаго театра) комедію Мольера «Скупой», въ которой исполнять роль Гаригарно, а послѣ главныхъ пьесъ назначалъ обычный по тѣмъ временамъ бенефисный дивертисментъ или «дивертисманъ», какъ онъ именовался тогда на афишахъ. Онъ назывался «Маскаррадъ» и въ немъ были исполнены сцены изъ трагедіи «Ермакъ» и, впервые передъ московскою публикой, первый актъ изъ «Гора отъ ума».

Сен.

Редакторъ М. А. Суворинъ.
Издатель А. С. Суворинъ.

Проектъ памятника Лермонтову художника Х. По мнѣнію автора, проектъ производитъ хорошее впечатлѣніе, такъ какъ онъ постарался избѣжать тѣхъ недостатковъ, которые были замѣчены въ произведеніи кн. П. Трубецкаго.
Рис. П. Павлова.

из перенесенно мощей св. княжны Полоцкой Евфросинии из неба в Полоцк.

Древняя церковь, построенная преподобной Евфросинией в 1160 г. Направо от нее теплая церковь, катяно-новый собор в византийском стиле.

подумал он. «Видишь ли, порядок, на знакомой ему женской фигурой в костюме прожитые нбт... В этой дали... Что это за богиня, чьим домашнем, и с шевелюрой богиня, чьим непричесаной. Он

Он все же попросил доктора, лечившего в консульстве, посетить заболевшую пугася, так как запахиваться было неловко по обязанности консула, имбующего поначению о заболевших соотечественниках, отправился в «Hôtel Grand Orient».

«Hôtel Grand Orient» представлял собою одно из тех громадных зданий, каких востроили во всех краях света различны страховые общества. Это было самое европейское здание в городе, с большим кафе внизу, с электричеством, телефоном, лифтом, хорошими комнатами, прескверной кухней на плохом оливяковом масле, с равномерной прислугой, среди которой Венгерки говорили откровенно по-немецки, Черногорцы — откровенно по-итальянски, а Сербы только по-сербски. Сживались они то гдло, не забывая при этом сохранить себя на память что-нибудь из вещей или из кошелек публики.

Ростокин поступал. Ему крикнул женский, но как будто другой голос: — Entrez.

Отворив дверь, он очутился перед ве-

Незнакомая женщина вышла в другую комнату и раздала ей гостю оттуда.

— Наташа! Консул. Входите пожалуйста, г. консул!

И опять ее смех, какой-то странный, как будто бессмысленный.

Ростокин даже призадумался. Что это за общество?

Он официальное лицо. Сядусть ли ему входить? Но дверь протворилась и он увидел перед собой господю Арбашову.

— Я заметь осведомиться... — начал действия на зрителей, которые как будто из вжливости похлопали вкоторым остроумным стихам Грибоедова. Послдованние затмил танцы и пванье были го-

— Господин консул, входите — так благодарна!

И он вошел за ней в комнату.

Продолжение следует.

Н. Вильде.

Из истории мытарств великой русской комедии.

По поводу восьмидесятилетия «Гора оть ума» на московской сцене.

(Окончание).

Когда в бенефис М. С. Щепкина впервые был даан в Москве первый акт из «Гора оть ума», Фамусова играл бенефициант, для которого роль эта сдлазася коренной и неотъемлемой до самой смерти (11 августа 1863 г.). В нее Щепкин с течением времени умель вносить все больше и больше труда, тонкой наблюдательности, юмора и восхищаль большую публику, видящую его в этой ипеси, но сам артист всегда оставался недоволен своей игрой в этой роли... Софью играла М. Д. Львова-Синицкая, известная фаворитка Ковалкина, Лизу — Златомольская, а Чацкого — А. М. Сабуров, единственный раз в бенефис Щепкина, так как роль эта перешла затем к П. С. Мочалову, а Сабуров в сядующем 1831 г. скончался от холеры.

Вскоре послд своего бенефиса сам М. С. Щепкин искал между прочим (4 февраля 1830 г.) П. С. Сосипкину: «Чувствительно благодарю за присылку сныи «Горе оть ума»; она мнй очень помогла и бенефис имель очень большой успех». Иначе, однако, отовалася про спектакль 31 января московская печать. В «Московском Телеграф» ** читаем: «Послд жалкого представления комеди Мольтера («Скуной») была выставлена интермедия-дивертисманг под названием «Маскарад». Подобныя ему интермедии неабжны в бенефисах; хорошо по крайней мйр, что гг. актеры стараются прирывать их чьм-нибудь привлекательным. Таким образом «Маскарад», данный в бенефис г. Щепкина, был украшен сценами из новой трагедии «Брмак» и из бессмертной комедии «Горе оть ума». По си отрывки, выставленные на сцену, имли одинаковую участь с алмазаными отрывками. Они мало имли действия на зрителей, которые как будто из вжливости похлопали вкоторым остроумным стихам Грибоедова. Послдованние затмил танцы и пванье были го-

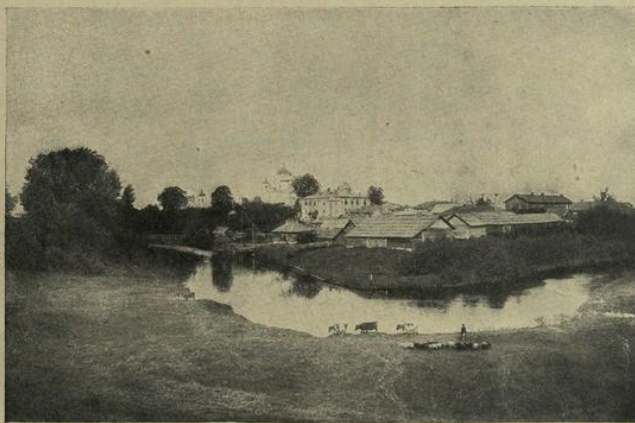
разо лучше приняты, несмотря на то, что мы уже пресытились оными».

Этот отзыв свидетельствует о полной неудовлетворенности московской публики представлением 1-го акта из «Гора оть ума», вследствие чего, вероятно, 1-е действие ни разу было отдлано в Москве поставлено не было. Но 3-е действие московская дирекция, подражая Петербургу, ршилася поставить в том же 1830 году. Оно шло в бенефис артистки Над. Вас. Рьшиной 23 мая 1830 года на сцене Большого театра. Послд большой волебой оперы в 4 действиях Венцель-Мольтера «Чортова мельница» и однойактной переводной комедии-водевила Ленского «Муж и жена» в заключение спектакля (повидимому, взамять обычного «дивертисманга») бенефициантка назначала: «в первый раз «Моисеевский бал», 3-е действие из комедии в стихах «Горе оть ума», с принадлежаниями к оной танцами; в оном балу будут танцевать (как гласила афиша): г-жи Ринардт, Лобанова, Воронина-Иванова, Харламова-Карасева, М. Иванова, Лепская, М. Рьшина и дтв. Карлакова; гг. Ринардт 1-й, Сабуров, Ринардт 2-й, Лобанов, Ринардт 3-й, Бернарделли, Оттаво и Богданов 6. — новую французскую кадрия в 8 пар, аранжированную г. Сабуровым, новая музыка из русских птесн; г-жа Заборовская, дтвины Панова, Карасева и Карлакова, гг. Птиков, Д. Иванов, Потанчиков и Богданов 6. новую мазурку, музыка соч. А. П. Верстовского; сь онаже бал (!!!) будут играть роли (объявляла, наконец, афиша): Чацкого — Потапов, Фамусова — Щепкин, Софью — Потапов, Лизу — Наташа, Молчалина — Лепский, Скакуба — Орлов, Горича — Третьяков, Наташу Дмитриевну — Рыкалова, Тутуховского — Сропов, княжину — Бураева, графиню-бабушку Хрюнину — Соркина, графиню-шучку — Ринарду, Загорькаго — Илюшкин и Хвостов — Кавалеропа. Начало в 6 часов».

Судя по этой курьезной афише, это был не акт из комедии Грибоедова, гд танцы, как известно, играют третьюстепенную роль в концд действия, а наоборот, це-

Св. княжна Полоцкая Евфросиния, в мйр Преслава. Фотография снята с картины, находящейся в старом законченном соборе в Полоцк.

Общй вид женского Спасо-Евфросининского монастыря, куда будут перенесены мощи преподобной Евфросинии.

